

34. Федотова Л. А. Семантическая интерпретация главных членов предложения и особенностей их функционирования в стилях современного русского литературного языка: Дис. ... канд. филол. наук. — Бельцы, 1986. — 221 с.

35. Шершова И. С. К вопросу о выделении группы существительных чувства в русском языке //Актуальные вопросы грамматики и лексики современного русского языка: Сб. тр. /Отв. ред. Л. Ю. Максимов. — М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1976. — С. 32-59.

36. Языковая номинация. Общие вопросы: Сб. ст. /Отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. — М.: Наука, 1977. — 359 с.

37. Языковая номинация. Виды наименований: Сб. ст. /Отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. — М.: Наука, 1977. — 358 с.

Сокращения

1. ССРЛЯ-17 — Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. /Редкол.: Ф. П. Филин (пред.) и др. — М.; Л.: Наука, 1950-1965.

2. СРЯ-4 — Словарь русского языка: В 4-х т. /АН СССР, Ин-т рус. яз. Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Рус. яз., 1981-1984.

3. СС — Словарь синонимов русского языка: В 2-х т. /Под. ред. А. П. Евгеньевой. — Л.: Наука, 1970-1971.

4. Гр-80 (Грамматика-80) — Русская грамматика: В 2-х т. — М.: Наука, 1980-1982. — Т 1. — 783 с.

Статья поступила в редакцию 9 ноября 2005 г.

УДК 81“373.612.2

Н. В. Солодовникова

ФРЕЙМОВО-СЛОТОВАЯ СТРУКТУРА МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ ПОЛИТИКА — ЦАРСТВО ЖИВОТНЫХ

Актуальность исследования обусловлена тем, что несмотря на немалое количество работ в области политической метафористики, как зарубежных (Дж. Лаккофф, М. Джонсон, М. Блэк, Д. Дэвидсон, Х. Ортега-И-Гассет, А. П. Чудинов, Е. О. Шейгал, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева), так и отечественных лингвистов (Г. Яворская, Жаботинская, С. А. Пилишек, Е. А. Святчик, И. А. Филатенко) рассматриваемая нами метафорическая модель описана далеко не полностью, кроме того, ее фреймово-слотовая структура представлена в российском политическом дискурсе.

При анализе метафорической модели, кроме исходной понятийной сферы-источника и новой понятийной сферы (сферы-мишени) должны быть охарактер-

ризованы относящиеся к данной модели фреймы и слоты. Каждый фрейм понимается как фрагмент наивной языковой картины мира. Эти фреймы изначально структурируют исходную концептуальную сферу (сферу-источник), а в метафорических смыслах служат для нетрадиционной ментальной категоризации сферы-магнита. Типовые слоты являются составляющими каждого из фреймов и представляют собой элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации.

Цель данного исследования: характеристика фреймово-слотовой структуры метамоделей ПОЛИТИКА — ЦАРСТВО ЖИВОТНЫХ.

Обратимся к понятию фрейма и его трактовке в современной лингвистике.

По словам М. Минского, отправным моментом для теории фреймов служит тот факт, что человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), называемую нами фреймом, с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных деталей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений и процессов.

Фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации. С каждым фреймом ассоциирована информация разных видов. Одна ее часть указывает, каким образом следует использовать данный фрейм, другая — что предположительно может повлечь за собой его выполнение, третья — что следует предпринять, если эти ожидания подтвердятся. [3; 7]

По мнению Ч. Филлмора, фрейм образует особую организацию знания, составляющую необходимое предварительное условие нашей способности к пониманию тесно связанных между собой слов. Далее Ч. Филлмор отмечает, что теория фреймов имеет немало общего с теорией семантических полей. В основе теории лексических полей лежит анализ специфических для каждого языка способов организации изолированных семантических областей. Понимание значения одного элемента поля требует возможности просмотра всех имеющихся в нем слов для того, чтобы выяснить, чему соответствует данное слово. [6; 61]

Как утверждает Трир, слова бессмысленны, если слушающему неизвестны противопоставленные им другие “слова из того же понятийного поля; и они неопределенны и расплывчаты, если не появляются их “концептуальные соседи”, которые претендуют на свою часть понятийного поля и своим появлением четко выделяют границы произнесенного слова”. [11; 31]

Теория фреймов опирается на то, что лексическое значение более связано со своим понятийным основанием, чем со стоящими с ним в одном ряду словами [6; 60]

Теория лексических полей отличается от семантики фреймов прежде всего своей приверженностью к исследованию групп лексем ради них самих и интерпретацией лексико-семантических областей как собственно языковых феноменов. Семантика фреймов допускает, что говорящие могут в полной мере обладать знанием данного слова, входящего в некоторую область лексики, даже если они вообще не знают больше никаких слов этой области или знают лишь неко-

торые из них. Наиболее существенно то, что семантика фреймов допускает существование фреймов, каждый из которых имеет единственного представителя в сфере лексики — возможность, в принципе отвергаемая теорией лексического поля. [6; 62]

По определению В. З. Демьянкова, фрейм — “... это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия... Фрейм организует наше понимание мира в целом...” [2; 188]

Можно также встретить и другой термин — “схема”. Под схемой, к примеру, У. Л. Чейф понимает “стереотипную модель, с помощью которой организуется опыт, ... которая диктует способ расчленения определенного большого эпизода на меньшие. Схемы, по словам У. Л. Чейфа, определяют нашу концептуальную организацию опыта, наше отношение к нему, связанные с ним ожидания, а также то, что мы будем о нем рассказывать”. [7; 43] Фрейм же является специфическим лексико-грамматическим обеспечением, которым располагает данный язык для наименования и описания категорий и отношений, обнаруженных в схемах. [5; 110]

Теория фреймов и фреймового структурирования очень важна для акта интерпретации метафор, поскольку он требует “понимания схемы социального общения такого рода, в пределах которого говорящий ожидает от слушающего особого конструирования того, что произнес говорящий, а это, в свою очередь, нуждается в понимании того, каким образом установлены несоответствия между буквальным значением сказанного и конструированным миром текста может стимулировать эти “конструкторские” усилия. [5; 118]

Справедливость приведенного выше утверждения можно проиллюстрировать следующим примером:

*По общему признанию оппонентами лидера страны, его постпред воспринимался как **верный**, но отнюдь не **злойный ценный пес**. (О Р. Бессмертном — Н. С.). — “Зеркало недели” №31 (506) от 7.08.2004г.*

Если толковать данный пример буквально, мы не сможем сконструировать осмысленной сцены. Мы должны использовать психокультурную информацию о том, что люди обычно испытывают страх по отношению к собаке вообще и к сторожевой собаке в частности, хотя цепь служит неким гарантом их безопасности. Важно отметить, что в русском языке за лексемой “пес” закреплены следующие метафорические характеристики “заискивающий, подбострастный, грустный, подавленный” [1; 62]. Данные характеристики являются источником отрицательных ассоциаций, которые вызывает в сознании носителей русского языка приведенная выше метафорическая характеристика, формирующая отрицательный прагматический компонент.

Нередко система фреймов предстает как своего рода когнитивный динамический сценарий. Например: довольно саркастически и самокритично о позиции арабских режимов относительно войны в Ираке высказался спикер ливанского парламента Набег Бери: “Арабы — как **стадо баранов**. Когда американский **мясник** забирает одного из них, чтобы **забить**, остальные продолжают

спокойно жевать, не догадываясь, что завтра придет очередь другого барана.” — “Зеркало недели” №12 (487) от 27.03.2004.

Мы можем выстроить следующий сценарий: *название животного — группа животных — действия животных — действия, производимые над животными — субъект, работающий с животными.*

Опираясь на представленную выше теорию, мы составили фреймово-слотовую характеристику зооморфной метафоры в современном русскоязычном украинском политическом дискурсе.

1. Фрейм “Состав царства животных”

Субъекты политической деятельности часто представлены как животные. Названия животных могут быть присвоены как отдельным лицам, так и партиям, политическим блокам, государствам.

Слот 1.1. Реальные животные

“Парнокопытное” голосование, медвежий стиль поведения России; зверюга-националוגа (о Ющенко), хищник-Янукович, Украина — “европейский тигр”, рабочая лошадка (о Р. Бессмертном), аджарский лев, электоральный кролик (о В. Януковиче), священная корова (о России), сторожевая собака демократии (о СМИ), стадо баранов (об арабских странах).

В данном слоте, на наш взгляд, актуализируются два отрицательных вектора. Первый — “агрессивность”, связанный с метафорическими характеристиками таких лексем, как *хищник, зверюга*, ассоциирующиеся прежде всего с агрессией и безжалостностью. Второй — “глупость”, “ничтожность”, что связано прежде всего с лексемой *баран*, за которой в русском языке закреплена устойчивая метафорическая характеристика “глупый, безвольный, упрямый” [1;63].

Кроме того, следует отметить и положительный прагматический компонент “величие”, который наводится такими лексемами, как *лев, тигр*, хотя эти животные вызывают не только чувство уважения, но и страха.

Слот 1.2. Мифические животные

Эти животные, являясь предметом поклонения, а подчас и символом власти, богатства, благополучия, вызывают положительные эмоции, но являясь синкретическими образами, становятся также источником страха.

Дракон расправляет крылья (о Китае; положительная характеристика), китайский дракон пока еще дремлет, драконовский режим (об Ираке) (источник страха), отечественная политика превратилась в химеру (отрицательная характеристика).

Слот 1.3. Библейские образы

Но как же отличить агнца от козлиц? — “Комсомольская правда” от 29.03.2002г. Кто из подданных президента окажется в роли жертвенного ягненка? — “Зеркало недели” №7 (482) от 21.02.2004г. Здесь противопоставлены жертвенное животное *агнец, ягненок*, имеющие положительные метафорические характеристики “невинный, кроткий, послушный, добрый”, и его антипод *козел*, который в данном контексте является воплощением сатанинского начала.

Слот 1.4. Птицы

Следует отметить, что в украинском русскоязычном политическом дискурсе названия птиц метафоризируются крайне редко, следует отметить лишь традиционные, используемые в политических дискурсах разных языков: *американские ястребы*, *“голубь мира”* (о Симоне Пересе). *Сокол (ястреб)* традиционно противопоставлен *голубю*, так как *ястреб* обозначает сторонника жестокого политического курса в противоположность *голубю*, символизирующему миротворческое движение [10; 103].

Слот 1.5. Рыбы

Как отмечает А. П. Чудинов [9; 134], в российском политическом дискурсе лексемы, обозначающие рыб, подвергаются метафоризации не часто, та же тенденция существует и в украинском русскоязычном политическом дискурсе. Нами найден пока только один пример: *Я уже не говорю о многочисленных “прилипалах”, которые наверняка рассчитывают на дивиденды. — “Зеркало недели”, №1 (529) от 15.01.2005.* В рассматриваемом нами контексте речь идет о тех, кто примкнет к победившим на минувших президентских выборах. Актуализируется отрицательный прагматический компонент “неискренность, лицемерие”, что вызвано использованием в качестве источника метафоры названия рыбы, которая живет за счет других более крупных рыб.

Слот 1.6. Насекомые

Среди образов насекомых используются традиционно проживающие на территории Украины, мы не встретили образов экзотических насекомых.

Разворошенный осиный улей (арабский мир), *экономика работает по принципу пчелиного улья*, *стая жирных жуужжающих надоедливых мух* (Кабмин), *мотыльковые бюллетени* (бюллетени, используемые для фальсификации; устойчивый термин), *тараканьи бега* (о выборах).

В данном слоте актуализируются прагматические компоненты “ничтожности”, что отчасти связано с небольшими размерами насекомых, а также тем местом, которое они занимают в иерархии животного мира. Кроме того, можно выделить еще компонент “беспорядочность, хаос”, что вызвано характером движения насекомых, которые, если наблюдать со стороны, бессмысленно копошатся. Исключение составляет пчелиный улей, в котором все подчинено строгой иерархии.

Фрейм 2. Объединения животных и отношения в них

Слот 2.1. Объединения животных

При необходимости характеристики той или иной группы лиц (партии, политического движения, группы избирателей, коллектив политической организации) часто используют зооморфную метафору.

Власти не учли, что народ — не стадо “козлов”, что 2004 год — не 1999 год. — “Аргументы и факты в Украине” от 10.01.2005 г.

Образ *стада* ассоциируется с массой, неспособной к активным, обдуманым действиям. В украинском русскоязычном политическом дискурсе метафоризации также подвергаются образы *стаи*, *роя*, *улья*, рассмотренные нами выше.

Слот 2.2. Иерархические отношения в мире животных

Как правило, стада, стаи, рои, ульи имеют своего лидера, который называется либо *вожак*, либо, если речь идет о пчелином улье, *пасечник* или *пчеловод*.

Да, действительно, на новой сессии парламентариям придется не только довести до конца политическую реформу, но и избрать себе нового “вожака”.

Следует отметить, что метафоры этой группы характеризуются пейоративной оценкой.

Фрейм 3. Действия животных

Вполне естественно, что политики и политические объединения, представленные в образах животных, производят присущие им действия.

Слот 3.1. Физиологические действия животных

Бэкающий и мэкающий Кисилев (о журналисте Е. Кисилеве); *после иракской войны Украина не сможет “сосать двух маток”*; *брачный сезон в Верховной Раде* (объединение фракций); *ХАМАС “оперился”* благодаря действиям Израиля; *не проводить реформы — означает засунуть голову в песок*; *не складывают крылья оранжевые палатки на майдане, их полет не закончен*; *Тузла многих пробудила от спячки*; *вопреки ожиданиям Харьков и его окрестности во время избирательной компании впали в спячку*.

В данном слоте преобладают отрицательные коннотации, поскольку сравнения с животными носят преимущественно негативный и несколько ироничный характер.

Слот 3.2. Агрессивные действия животных

Спикер взбрыкнул, его хватку впору считать “волчьей” (о Г. Калетнике, губернаторе Винницчины), *главы региональных объединений “Единой России” буквально рвали губернаторов-коммунистов на куски*, *партия Витренко и блок КОПов готовы до остервенения рвать зубьями всех оппонентов украинского “гаранта”*, *партия пытается перекусить цепь, связывающую ее с властью*, *глава ячейки аграриев объявил о “политическом давлении”*, *“травле”*, *бизнес в настоящее время подвергается беспрецедентной травле*.

В данном слоте представлены отрицательные векторы агрессии, силового давления, жестокости.

Фрейм 4. Органы животных

Слот 4.1. Органы агрессии. Следует отметить, что подобные метафоры встречаются в украинском русскоязычном политическом дискурсе нечасто, что свидетельствует, на наш взгляд, о положительной тенденции, желании политиков решать вопросы мирным путем, не вступая в жесткую конфронтацию.

Жители восточных и южных регионов впервые увидели Ющенко и смогли с удивлением отметить, что ... он стоит на сцене без повязки со свастикой и без клыков, с которых каплет кровь русскоговорящих. — “Зеркало недели” №48 (253) от 27.11.2004.

В этом примере также указаны не столько органы агрессии, сколько их отсутствие.

Слот 4.2. Другие органы

*Нужно и дальше затыкать **пасть** оппозиционерам; боевики только **расправят крылья** в освобожденной Газе; не управляет ли **хвост** собакой* (об отношениях США и Израиля).

В данном слоте преобладает ироничная оценка.

Фрейм 5. Животные как объект деятельности людей

В данном фрейме животные выступают как объект эксплуатации: обычно их приручают, укрощают, режут. Субъекты политической деятельности выступают в роли *пасечников, пчеловодов, мясников*.

Януковича и его окружение можно “приручить” экономическими дивидендами; США призывают ливанское правительство ограничить деятельность партии “Хизболла” и грозят применить военную силу для ее укрощения; главный пчеловод страны (о Ющенко).

Выводы. Таким образом, данная фреймово-слотовая характеристика политической метафоры “Политика — царство животных” позволила структурировать понятийную сферу-источник, выделить наиболее актуальные прагматические компоненты, связанные с устойчивыми метафорическими характеристиками животных. Следует отметить, что в украинском русскоязычном политическом дискурсе преобладают отрицательные прагматические компоненты, такие как “глупость”, “лицемерие”, “покорность”, “агрессия”, хотя все-таки, на наш взгляд, преобладает ироничная коннотация, нежели отрицательная, что является свидетельством положительной тенденции в общественно-политической жизни страны, а именно, желании политиков вести споры в русле дискуссий и диалогов, а не путем жесткой конфронтации.

Перспективы исследования. В дальнейшем мы планируем представить фреймово-слотовую структуру других понятийных сфер-источников, входящих в метамодель “Политика — мир природы”.

Литература

1. Козлова Т. В. Семантика фразеологизмов животных в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 2003. — 192 с.
2. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкратц Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996 — С. 188.
3. Минский М. Фреймы для представления знаний: пер. с англ. М.: Энергия, 1979 — 152 с.
4. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. — М.: Гнозис, 2004. — 318 с.
5. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики. // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1983 — вып. 12. — С. 84-119.
6. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания. // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988 — вып. 23. — С. 53-93.
7. Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта. // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1983 — вып. 12. — С. 42-43.

8. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. Пед. Ун-т. — Екатеринбург, 2003. — 248 с.

9. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001. — 238 с.

10. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК “Гнозис”, 2000. — 326 с.

11. Trier J. Wortschatz des Verstandes, Band 1. Heidelberg: Carl Winters Universitdsbuchhandlung, 1931 — С. 8.

Статья поступила в редакцию 7 ноября 2005 г.

УДК 81-139:378

Е. В. Старостина

О НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АВТОБИОГРАФИИ

(на материале прозы А. Ахматовой, М. Цветаевой, А. Герцык)

Проблема анализа особенностей художественного текста по-прежнему привлекает пристальное внимание лингвистов (А. А. Акишина, И. Р. Гальперин, И. В. Арнольд, К. А. Филиппов, В. А. Маслова, Е. А. Селиванова и др.). В силу того, что текст — явление многоуровневое и сложное, **целью** данной статьи является выявление и описание возможностей языковых единиц в своеобразных условиях художественных автобиографий. Цель определяет конкретные **задачи** исследования:

- 1) выявить общие языковые особенности художественных автобиографий;
- 2) определить индивидуально-неповторимые черты письма А. Ахматовой, М. Цветаевой, А. Герцык.

Материалом исследования послужила автобиографическая проза А. Ахматовой (“Коротко о себе”, “В десятом году”, “Слепнево”, “1910-е годы”, “Людам моего поколения”), М. Цветаевой (“<Кирилловны>”, “<Рождение музея>”, “Шарлоттенбург”, “Мать и музыка”, “Отец и его музей”) и А. Герцык (“Из мира детских игр”, “О том, чего не было”, “Мои блуждания”, “Мои романы”).

Несмотря на наличие ряда работ, анализирующих творчество поэтесс (Л. А. Мандрыкина, А. И. Павловский, А. Хейт; А. А. Саакянц, В. А. Маслова, И. В. Кудрова, В. Швейцер; О. Обухова, Э. Корпала-Киршак, Н. Мацкевич, Ж. Шерон), лингвистический аспект остается наименее изученным, чем обуславливается **новизна** исследования.